О мертвом теле и живом деле

Рец. на: Мохов, С. (2018). *Рождение и смерть похоронной индустрии: от средневековых погостов до цифрового бессмертия.* М.: Common place.

Елена Фёдоровна Югай[1]

✉ leta.ugay@gmail.com
ORCID: 0000-0001-8612-1361

[1]Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия

Для цитирования статьи:
Югай, Е. Ф. (2019). О мертвом теле и живом деле. Рец. на: Мохов, С. (2018). Рождение и смерть похоронной индустрии: от средневековых погостов до цифрового бессмертия. М.: Common place. *Фольклор и антропология города*, *II*(1–2), 391–398.

About dead bodies and living business

A review of: Mokhov, S. (2018). *The birth and death of the funeral industry: from the graveyards of the Middle Ages to digital immortality.* Moscow: Common place.

Elena F. Yugai[1]

✉ leta.ugay@gmail.com
ORCID: 0000-0001-8612-1361

[1]Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

To cite this article:
Yugai, E. (2019). About dead bodies and living business. A review of: Mokhov, S. (2018). The birth and death of the funeral industry: from the graveyards of the Middle Ages to digital immortality. Moscow: Common place, 2018. *Urban Folklore & Anthropology*, *II*(1–2), 391–398. (In Russian).

Границы человека и телесность

В последнее время вопрос о тождественности человека его телу — с учетом всего, что уже известно о теле, с эмоциями и работой мозга, памятью и психофизиологией — тревожит общественное сознание. Эта тревога находит проявление и в научных трудах, и в популярных изданиях, и в художественной литературе. Взять, к примеру, роман Нобелевского лауреата 2017 года Кадзуо Исигуро «Не отпускай меня», где в антиутопическом ключе ставится вопрос, что есть человек и насколько порочны попытки искать ответ за пределами тела, ибо и

любовь, и жертвенность — проявления биологического организма, а не нечто «вложенное» извне. С одной стороны, знание о теле и общественное внимание к нему достигает предела, с другой — с почти средневековым нигилизмом по отношению к материальному — люди ищут другое «хранилище» личности — и находят бесплотный мир виртуальных коммуникаций.

В книге антрополога Сергея Мохова отношение общества к человеческому телу обозревается с необычного ракурса: из-за шторки похоронного катафалка. Ни в какой другой практике вопрос о теле не стоит так остро, как в похоронах: наличие тела без жизни, то есть тела per se, делает многие нюансы зримыми и выпуклыми.

Автор исследования — создатель и главный редактор журнала «Археология русской смерти», с 2015 года публикующего материалы по death studies. Под обложкой журнала объединяются научные исследования разных гуманитарных и социальных дисциплин, по темам, связанным со смертью. Монография содержит итоги многолетнего сбора материала и разностороннего изучения похоронных практик.

От средневековых погостов до цифрового бессмертия

Из многих дисциплин, которые так или иначе могли бы претендовать на то, чтобы назвать эту книгу своей, первой все-таки будет история. Сам автор называет свой труд — «исторический и культурный метанарратив» (с. 304). Под обложкой собрано, описано, систематизировано и выстроено в линейную последовательность такое количество фактов и свидетельств, что познавательную ценность книги трудно переоценить. Например, можно узнать, что Петр I выпустил «указ "о запрещении делать дубовых и сосновых гробов", так как эти породы дерева шли на строительство кораблей» (с. 198), или прочитать отзыв Корнея Чуковского о первой кремации в 1921 году: «Печь была советская, инженеры были советские, покойники были советские — все в разладе, кое-как, елеле. Печь была холодная, комиссар торопился уехать» (с. 224). Можно мысленно «примерить» современные способы захоронения: бенгальские огни, распыление праха в космосе или упокоение в коралловом рифе, куда «родственники могут спускаться с аквалангами» (с. 283). На иллюстрациях в книге представлены mourning/sentimental jewellery XIX века — «особые ювелирные украшения, предназначенные для публичной демонстрации траура», включая «специальные броши с волосами и ногтями умершего» и др. (с. 76), и средневековые костницы, куда для экономии места складывались останки (с. 30).

Как история костюма или история этикета, история похорон носит частный характер, но она придает дополнительное измерение всему, что мы знаем о разных эпохах. Поворотные пункты в развитии кладбищенской индустрии — проявление общественных изменений и смен культурно-исторических парадигм. История идей развивается по спирали, и реакция похоронной сферы тоже делает интересные повороты. Так, возникновение надгробий связывается с Реформацией. Если в католицизме

посмертная забота — это моление о душе, находящейся в чистилище, то в протестантизме на первый план выходит доказательство успешности умершего при жизни[1], поиск знаков избранности в благополучности и добропорядочности его жизни: «Между категориями доброго семьянина и доброго христианина ставится знак равенства. ‹…› Именно поэтому в раннее Новое время массово появляются эпитафии на могилах простых людей. В таких эпитафиях рассказывается история жизни умершего человека» (с. 46–47). Человек — это не безжизненные останки, а сумма того, что он сказал и сделал. Александр Панченко в исследовании деревенских святынь Северо-Запада России указывает, что могила — «часть мира живых, "социальный образ" умершего» [Панченко 1998: 260]. Внушительные каменные надгробия-памятники начались с понимания умершего как социальной личности, и эта же идея, в конечном итоге, может привести к их исчезновению и замене виртуальным кладбищем. Современную идею «цифрового погребения»[2] и «введения в надгробный дизайн специальных QR-кодов, которые отсылают к страничке умершего в социальных сетях» (с. 286) формирует примерно такая же логика, как и идею протестантских надгробий.

Внимание Сергея Мохова привлекает симметрия отношения к мертвому и к живому. Так, советское общество определяется как «общество ремонта» (выражение Чуйкиной и Герасимовой), в котором новые вещи появлялись крайне редко и были «полуготовыми» к употреблению, а старые бесконечно переделывались и ремонтировались, чтобы служить снова и снова (с. 259). Неработающими вещами, как-то приспособленными под нужды случая, вынуждены довольствоваться и живой, и покойник: советская похоронная индустрия состояла из сплошных пробелов, которые скорбящие заполняли в силу своих умений и связей, о чем свидетельствуют, в частности, памятники «из обрезков труб, старых деталей, металлических перекрытий и т. д.», ограды и гроб, сделанные «в столярных цехах предприятий, где трудился умерший человек» (с. 230). «Создав неработающую похоронную инфраструктуру, советская культурная парадигма вполне рационально определила в ней место и мертвому телу, сделав его участником прохождения инфраструктурного квеста» (с. 259). Напротив, в обществе потребления, в «золотой век похоронной индустрии» (1914–1990) умершие становятся символическими потребителями со все растущими аппетитами («твоя последняя покупка, выбранная кем-то другим», с. 181). Таким образом, отношение общества и государства к покойнику и его «нуждам» — частный случай отношения к человеку и его материальным потребностям в целом.

Но между живым и мертвым телом есть и другая параллель: отношение к ним часто обусловлено не столько материальными ограничениями, сколько идеологией. В европейском Средневековье «отвержение

[1] «Протестантизм «отменяет» чистилище и, как следствие, необходимость молиться за усопших. Новая протестантская догматика провозглашает личное спасение Божественной благодатью. Значит, в судьбе и жизни человека необходимо угадывать знаки и проявления этой благодати» (с. 67).

[2] Цифровому погребению посвящена книга, рецензия на которую вышла в прошлом номере журнала [Мороз 2018].

материи диктует отрицательное отношение к телу ‹…› Бессмертие, понимаемое очень прямо, то есть как непосредственно физическое воскрешение тела, причем в идеальном виде, не нуждается в сохранении земной физической оболочки» (с. 42). Но и живое тело в это время не вызывало никакого уважения и внимания, только стыд и брезгливость. Интерес к телу в Новое время[3] (развитие медицины) делает и похороны более сложным процессом. В XIX–XX веках вопрос постепенно начинает видеться как решенный, и живое, и мертвое тело поддерживаются со вниманием и в соответствии с нормой. В XIX веке происходит формирование отношения к смерти как к биологическому процессу: человек получает возможность, пусть и иллюзорную, контролировать смерть (с. 79). Телесно-ориентированной похоронная индустрия становится разнообразной, практики бальзамирования и украшения создают «кукольное» тело умершего, и оно соблюдает приличия и не ранит эстетическое чувство окружающих (в это время вопрос о приличии занимает как никогда важное место и в нормах поведения живого человека). А в XX веке что живое, что мертвое тела теряют свои границы. Пластические операции, бодибилдинг и — обратная крайность — виртуальное общение, где материальная оболочка безразлична, ибо человек равен своему аватару, позволяют контролировать тело, превращать его во что угодно[4]. Соответственно, и новые похоронные практики, от запуска праха в космос до выращивания из него коралла на дне морском, тоже не придерживаются границ гроба и демонстрируют максимальную вариативность и индивидуализацию.

Думается, можно сказать, что похороны — это возможность реализовать свои желания и проявить свои страхи относительно живого тела, что это своего рода инверсия, когда покойник XIX века делается таким же красивым и благополучным, каким хотел бы быть живой, а покойник XXI-го — таким же свободным. Так или иначе, после прочтения книги становится очевидно, что история похоронного дела — не менее интересна и содержательна, чем история войн или история искусства.

Похоронная индустрия

Если говорить о методе исследования, то сам автор декларирует приверженность акторно-сетевой теории Бруно Латура. Люди, объекты и смыслы вступают во взаимодействие, и в результате реальность меняется. Наложение этой рамки на процесс, обслуживающий сферу смерти, показывает этот процесс как сложное, но, в общем-то, рядовое коммерческое явление, с изменением запросов и предложений. В книге на уровне лексики всячески подчеркивается такое сопоставление. О средневековых захоронениях, когда монастырь приобретал мощи святого, и тем повышал количество желающих упокоить своих родственников

[3] «С наступлением Реформации и Просвещения человек и его тело оказываются в центре внимания» (с. 305).

[4] В то же время «человек борется за свое “ускользающее” тело — отсюда увлечение фитнесом, диетой, здоровым образом жизни» (с. 271).

именно тут, говорится: «В итоге это приводило к повышению количества захоронений, а значит, и пожертвований, и все это при минимальных затратах. Довольно эффективная бизнес-модель» (с. 31). В другом месте похоронная индустрия XX века сравнивается с рестораном:

> Вы сидите за столиком и делаете заказ официанту. Ресторан невозможен без повара, хотя вы его не видите и с ним не контактируете. ‹...› Будет это похоронный дом, то есть автономное учреждение со своим моргом и залом прощания (роскошный ресторан), или только посредническое агентство, которое продает перекупленные гробы (фаст-фуд), — это зависит от нормативных ограничений, которые регулируют отношения между инфраструктурой, с одной стороны, и продуктом, продавцом и клиентом — с другой (с. 155).

Человек социальный проявляется в человеке покупающем. В идеологии капитализма и за ее пределами, готовность за что-то платить выступает зримым и поддающимся учету выражением знаний о мире. В книге практически нет разбора представлений о загробном мире, описания текстов и практик, сопутствующих похоронам, никакой риторики, только факты: средний чек за похоронные услуги в XIX веке (с. 208), статистика по кремации в XX и др. Исключением служат тексты, которые оказали заметное влияние на индустрию похорон, например, книга Джессики Митфорд «Американский путь к смерти» (1963), которая, по мнению автора, привела к закату пышных и статусных похорон с шестерками коней, музыкантами и морем цветов, постепенно вызвав возникновение услуг другого рода.

Но как бы то ни было, деятели похоронной индустрии позиционируют обряд, с одной стороны, как возможность выразить свои чувства к умершему, а с другой — как возможность продемонстрировать его — значит и свой — статус. Со вторым все понятно: похоронное потребление укладывается в общие законы рынка. Но и первое создает условия для коммерческих моделей. Паскаль Буайе в книге «Объясняя религию» [Буайе 2017] утверждает, что мертвое тело рождает проблему[5]. Вступают в конфликт две биологические программы: страх заражения и угадывание намерений еще сохраняющего свой облик близкого (программа распознавания лиц). Похоронный бизнес отлично эту проблему решает: опасность заражения берут на себя специалисты по оказанию ритуальных

[5] Мертвое тело как проблема и необходимость ее (материально и социально) решать болезненно воспринимаются современным человеком. Страх тела родственника проявляется в городских легендах, например, в сюжете о пропаже трупа умершей во время семейного путешествия бабушки (о разных интерпретациях сюжета см. [Кирзюк 2018: 34]). Ср. та же тема в стихах Андрея Василевского:

***

Потому что остается труп, то есть мертвое тело.
Когда душа отделяется от тела,
Оно не исчезает, распадаясь на атомы,
Поэтому его режут патологоанатомы.
Потом его прячут,
И хнычут, и плачут.
И всё это мерзкое дело.
Само не исчезнет мертвое тело
(Как моя старая мама хотела) [Василевский 2009: 33].

услуг, а погасить свое чувство вины перед родным скорбящие могут, увеличив сумму, затрачиваемую на последний праздник усопшего.

Как и любая коммерческая услуга, похороны пользуются рекламой. Подобно прочим услугам, обслуживание похорон пользуется аттрактантами, например, «мрачное слово "гроб" (coffin) заменяется на аккуратное и даже нежное слово "шкатулка" (casket)» (с. 135), продавая не столько предметы, сколько модель окончательного и бесповоротного счастья.

Рыночные отношения в монографии выступают как принцип отбора информации: позволяют выбрать объективные, поддающиеся учету данные для анализа. Но в то же время это и интерпретативная модель (в рамках акторно-сетевой теории), показывающая, как взаимодействие разных людей и их намерений, вещей и научных открытий меняет сферу обслуживания смерти, и как взаимосвязаны случайности и закономерности в этом процессе.

В нескольких местах книги говорится о десакрализации мертвого тела, но в разные эпохи это приводит к разным последствиям. Как видно из приведенного в книге материала, на выходе из Нового времени и переходе к «долгому XIX веку» это вызывает распространение бальзамирования и пышных похорон, а на рубеже XX и XXI — отмену этих практик в пользу кремации и эко-похорон (по точному наблюдению автора, практически возвращающих к средневековым практикам и техникам). Получается, что на каждом витке спирали сочетание идей, развития техники и представлений о гигиене, моральных норм и бизнеса по-разному приводят к новой системе отношений живых и умерших, что находит выражение в коммерции, культуре и общественных дебатах.

Если четыре из пяти частей книги определены временем (Средние века, «долгий» XIX, «короткий» XX, XXI), то оставшийся раздел ограничен территориально и называется «Смерть по-русски». И здесь анализ рынка как метод оказывается неприменим. Автор обнаруживает, что в России, где постоянная ломка инфраструктуры не позволяет выработаться нормам похоронного бизнеса, возникает уникальное явление. Проводя аналогию, с одной стороны, с представлениями о посмертных мытарствах души, а с другой — с «Русскими разговорами» Нэнси Рис, где бытовые жалобы (литания) рассматриваются как аналог сказочного повествования с преодолением трудностей и героической победой, Мохов пишет:

> Я полагаю, что при обращении с похоронной инфраструктурой реализуется тот же принцип, что и в «литаниях», — преодоление трудностей, то есть инфраструктурных поломок и сбоев, такой образ актуализируется в практиках и разговорах как нечто естественное и даже желанное, и при этом именно преодоление становится центральным элементом похоронного ритуала. Проблемы, возникающие при подготовке и проведении похорон, определяются участниками не как неизбежное зло, а как особая, и поэтому желанная форма испытаний (с. 254).

Именно поэтому западная модель похоронной инфраструктуры, где количество затраченных средств эквивалентно силе эмоций, а права на контакт с телом делегированы специалистам, не релевантны для советского и постсоветского пространства. Здесь «сломанное» всегда рассматривается как более нормальное, чем «рабочее», а вернакулярная починка превращает вещь из товара в товарища (перефразируя фразу Екатерины Деготь), соответственно, дань уважения умершему платится именно в собственных усилиях, а анализ рынка упускает многие важные моменты в отношении людей со своими покойниками.

Рождение и смерть

К достоинствам книги можно отнести богатый фактический материал, интересный ракурс и легкий язык, не лишенный юмора (как это и положено при длительном разговоре о гробах). Однако в некоторых случаях Сергей Мохов не может сделать выбор между стереотипной и авторской трактовкой фактов. Так, в обзоре колониальных похоронных тенденций написано: «Но вестернизация индийской погребальной культуры проходит гораздо менее успешно по сравнению с японской, китайской или корейской. Одна из причин — низкий уровень доходов и качества жизни. Кроме того, здесь сильны традиции: до сих пор большинство индуистов предпочитают сжигать умерших на открытом огне в городе мертвых — Варанаси» (с. 186). Но, позвольте, а как же Африка, о которой только что говорилось, что восприятие европейской модели похорон произошло там с неожиданным энтузиазмом и гипертрофированностью? Не было ли там своих традиций, не низки ли, по сравнению с Европой, доходы? На следующей странице высказывается другое предположение: в неудаче вестернизации похорон обвиняется «отличие в представлениях о чистоте. Европейская похоронная индустрия развивалась во многом благодаря идеям гигиены, связанным с мертвым телом. В индийской культуре само понятие “чистота” кардинально отличается от прагматического западного понимания» (с. 187). Второе замечание представляется противоречащим первому и гораздо более глубоким, но в тексте они существуют как равноправные и никак не сопоставляются друг с другом.

Впрочем, в этом труде автор не ставит цели создать новый теоретический подход к похоронам (это побуждает с нетерпением ждать продолжения его исследований). Предлагаемая монография — это, скорее, беспристрастный обзор наработанных со средневековья до наших дней похоронных практик, современный взгляд на вечную тему. «Книга скорее рождает вопросы, чем дает ответы», — так звучит предпоследнее предложение заключения (с. 308). Как и мертвое тело, эта книга создает проблему, которую хочется осмыслить, переработав весь этот массив данных, а что из него вырастит читатель — мраморный грот, вековой дуб или коралл — зависит от личности читающего. Безусловно, здесь есть материал для размышлений над спецификой той или иной исторической эпохи. И в то же время, это почва для осмысления понятий смерти, телесности, границ личности и социума.

Литература

Буайе, П. (2016). *Объясняя религию: Природа религиозного мышления*. М.: Альпина Паблишер.

Василевский, А. В. (2009). Всё равно: стихи. М.: Воймега.

Кирзюк, А. А. (2018). Сюжет — это симптом? Как фольклористы изучают городские легенды. *Фольклор и антропология города, I*(1), 20–43.

Мороз, О. В. (2018). Между жизнью и смертью: онлайн-призраки и погосты (рецензия на книгу Moreman, C. M., Lewis, A. D. (Ed.). (2014). Digital Death: Mortality and Beyond in the Online Age. ABC-CLIO). *Фольклор и антропология города, I*(1), 336–350.

Панченко, А. А. (1998). *Исследования в области народного православия: Деревенские святыни Северо-Запада России*. СПб., Алетейя.

References

Boyer, P. (2016). *Religion explained: The evolutionary origins of religious thought.* Moscow: Alpina Publisher. (In Russian).

Kirzyuk, A. (2018). Is plot a symptom? How folklorists study urban legends. *Urban Folklore & Anthropology, I*(1), 20–43. (In Russian).

Moroz, O. (2018). Between life and death: online ghosts and cemeteries (a review of: Digital Death. Mortality and Beyond in the Online Age by Christopher M. Moreman and A. David Lewis. Praeger, 2014). *Urban Folklore & Anthropology, I*(1), 336–350. (In Russian).

Panchenko, A. (1998). *Research on Folk Orthodoxy. Sacred Places in the Villages of Northwest Russia*. St Petersburg: Aleteiia. (In Russian).

Vasilevsky, A. (2009). Anyway: poems. Moscow: Voymega. (In Russian).